

Материалы обсуждения (1)

Российская военная полиция в Сирии: функции и перспективы

Николай Сурков

Старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН

Материалы дискуссии по итогам семинара “Новая динамика безопасности и политическое урегулирование в Сирии”, Сиракуза, Италия, 18-19 октября 2018

Женевский центр политики безопасности (GCSP)

Женевский центр политики безопасности (GCSP) – это международный фонд, созданный в 1995 году, в который входит 51 страна-член, и главной целью которого является содействие миру, безопасности и международному сотрудничеству посредством обучения руководителей, прикладных исследований политики, и диалога. GCSP обучает правительственных чиновников, дипломатов, военных, международных гражданских служащих и сотрудников НПО и частного сектора в области международного мира и безопасности.

Центр стратегических исследований Омран

Независимый аналитический и политический центр, деятельность которого сосредоточена на формировании объективного понимания ситуации в Сирии и в регионе в целом и нацелена на предоставление информации для представителей публичной политики, имеющих влияние в регионе. Омран начал свою работу в ноябре 2013 года в Стамбуле, Турция. Он публикует исследования и обзоры по сирийским и региональным проблемам в таких областях как политика, экономическое развитие и местное управление. Омран также проводит круглые столы, семинары и дискуссии, которые способствуют становлению более систематичной и методичной культуры принятия решений среди будущих лидеров Сирии. Омран занимается поддержкой механизмов принятия решений, предоставлением практических политических рекомендаций для лиц, принимающих решения, определением проблем в сирийском контексте и прогнозированием сценариев и альтернативных решений.

Николай Сурков

Николай Сурков – старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, доцент кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений (МГИМО) и эксперт по Ближнему Востоку Российского совета по международным делам. Он также был штатным журналистом и редактором в различных российских газетах (таких, как «Независимая газета», «Российская газета» и «Известия»), где занимался освещением внешней политики и военных вопросов. После получения степени магистра по востоковедению, доктор Сурков защитил диссертацию по международной политике в Институте стран Азии и Африки при МГУ. В сферу его интересов входит внешняя и внутренняя политика арабских государств, проблемы безопасности на Ближнем Востоке, политика России и США в регионе. Доктор Сурков владеет на русском, английском, французском и арабском языками.

Семинар и публикация были реализованы при поддержке Фонда Карнеги и Фонда Роберта Боша. Взгляды, отраженные в этой статье, принадлежат исключительно автору.

Опубликовано в марте 2019

Все права принадлежат Женевскому центру политики безопасности и центру Омран

Введение:

С 2015 г. Сирия стала полигоном для многих российских военных нововведений. Среди них была российская военная полиция (РВП), которая вскоре стала одним из символов участия России и сирийском кризисе. После победы над боевиками российская стратегия стабилизации и примирения предполагала развертывание сил, способных обеспечить безопасность гражданских лиц, участников переговоров, групп по разминированию и медицинского персонала. После того как в 2016 г. было достигнуто соглашение о прекращении огня, для контроля за его выполнением потребовались миротворческие силы. В силу внутривосточных и внешних причин Россия не хотела проводить наземную операцию в Сирии, в этой связи предпочтение было отдано РВП по причине ее эффективности и компактности.

РВП оказывала поддержку Центру по примирению враждующих сторон (Центр по примирению - ЦП); обеспечивала гуманитарные эвакуации, а также осуществляла контроль в зонах деэскалации. Несмотря на определенные достижения, общий успех данной миссии был ограниченным. Из-за своей относительной малочисленности РВП не может обеспечить присутствие во всех контролируемых правительством районах для защиты гражданского населения и поддержания безопасности. Сама по себе она не может заменить местные сирийские силы в обеспечении мира и стабильности в долгосрочной перспективе.

Чеченский опыт и сирийский кризис

В Сирии российские военные полагались примерно на ту же стратегию деэскалации, которая использовалась во время Второй чеченской войны (1999-2002). В случае с Чечней в этой стратегии особое внимание уделялось работе с отдельными населенными пунктами, где лидерам местных общин был дан простой выбор: придерживаться режима прекращения огня и получать от этого экономические выгоды (например, газ, электричество, дороги и доступ к медицинским учреждениям) или сопротивляться со всеми вытекающими последствиями. Российские войска обеспечивали общую безопасность «лояльных» населенных пунктов, где качество жизни было намного выше, чем в «нелояльных». Стратегия включала переговоры с чеченскими полевыми командирами, многие из которых впоследствии были интегрированы в новую чеченскую экономическую и политическую элиту. «Лояльные» чеченские военные структуры впоследствии были преобразованы в полицейские подразделения. В случае с Чечней стратегия местных замиренных работала хорошо, поскольку она позволила изолировать радикальные исламистские группировки и способствовала формированию пророссийской элиты.

Та же стратегия «локальных замиренных», действующих в отношении конкретного города или деревни, применялась и в Сирии. В феврале 2016 г. российские военные создали Центр по примирению (ЦП) с целью мониторинга возможного режима прекращения огня, установленного при посредничестве США и России. Центр проводил переговоры с небольшими вооруженными группировками, которые контролировали конкретные районы, и выступал в качестве посредников между боевиками и правительством. Местным лидерам были обещаны гарантии безопасности, а в зонах примирения оказывалась гуманитарная помощь, включая восстановление медицинских учреждений и распределение медикаментов, продуктов питания и ремонт жизненно

важной инфраструктуры. По данным российского министерства обороны, с 2016 по 2018 гг. около 2000 российских гуманитарных миссий были привлечены для мониторинга и оценки ситуации с безопасностью в конкретных районах, в то время как ЦП вместе с российскими военными гарантировали прекращение огня¹.

История и функции РВП

Военная полиция является новым институтом в российской армии. Она была создана в декабре 2011 г. Ее Устав был утвержден президентом Владимиром Путиным только 25 марта 2015 г., всего за несколько месяцев до развертывания в Сирии. Согласно этому документу, в основные обязанности РВП входит охрана военных объектов, поддержание дисциплины среди военнослужащих как в гарнизонах, так и в полевых условиях (например, во время маневров) и обеспечение безопасного и быстрого прохождения военных колонн. В этом смысле РВП представляет собой скорее вспомогательную структуру, нежели боевую. Она функционирует независимо, имея отдельную командную иерархию, подчиненную непосредственно министру обороны, а также широкий спектр полномочий, включая возможность ареста сотрудников Федеральной службы безопасности. РВП – это профессиональное подразделение, в котором все военнослужащие являются кадровыми военными, что в соответствии с российским законодательством упрощает развертывание за рубежом. РВП предъявляет очень высокие требования при приеме на службу к физическим данным и уровню подготовки кандидатов. Особое внимание уделяется проверке безопасности. Личное дело кандидата проверяется независимо друг от друга двумя офицерами, которые несут ответственность за нового сотрудника, которого они утверждают.

Сирия является первым случаем развертывания РВП за пределами РФ. Однако подразделения со схожими функциями (например, военные комендатуры) существовали во время Второй чеченской кампании, и их основной обязанностью было предотвращение мародерства и преступлений против гражданского населения. Размещенные в Сирии подразделения РВП уникальны как в культурном отношении, так и с точки зрения опыта. Так называемый «чеченский» батальон, развернутый в Алеппо в 2016 г., был укомплектован бойцами из подразделений специального назначения, ранее известных как «Восток» и «Запад». Это были элитные батальоны спецназа российской военной разведки, сражавшиеся с радикальными исламистами во время Второй чеченской войны и с грузинскими войсками в 2008 г. Таким образом, «чеченский» батальон представляет собой значительную боевую силу. Это справедливо и для батальонов РВП из Дагестана и Ингушетии.

Размещение в Сирии

Для отправки РВП в Сирию имелись как военные, так и политические причины. В сентябре 2015 г. РВП была развернута вместе с другими российскими военными подразделениями для решения задач оперативного обеспечения. В этом качестве военные полицейские занимаются охраной российских военных объектов и поддерживают дисциплину. Однако были ситуации, когда России требовались наземные войска, которые могли бы действовать за пределами основных баз, например защищать российские группы по разминированию и медицинский персонал или контролировать зоны деэскалации. С

¹ Объединенный координационный комитет проводит очередное заседание в Москве для обсуждения вопроса о репатриации сирийских беженцев, <http://syria.mil.ru/en/index/syria/news/more.htm?id=12197004@egNews>

политической точки зрения, такие операции могут иметь нежелательные внутренние и международные последствия. Внутри страны любая массовая наземная операция может вызвать возмущение со стороны российской общественности по поводу российских солдат, сражающихся за границей, что является очень острой темой, поскольку в 1980-е гг. участие Советского Союза в войне в Афганистане повлекло за собой огромные потери. На международном уровне открытое развертывание армейских подразделений может вызвать еще больше критики в отношении России. В этих условиях РВП выступила в качестве наиболее подходящего инструмента для решения задач².

Персонал РВП работает в Сирии в соответствии со специальными правилами, утвержденными в марте 2017 г. Эти правила применяются, если ситуация на местах характеризуется высокой конфликтностью, правоохранительные органы слабы, а незаконный трафик оружия и организованная преступность широко распространены. В этих условиях военнослужащим РВП было разрешено применять силу, в том числе огнестрельное оружие. Они координировали действия с сирийской полицией и местными властями. Согласно регламенту, основной миссией РВП была охрана и защита личного состава ЦП, в том числе медицинских учреждений с российским персоналом. РВП также была уполномочена патрулировать улицы населенных пунктов и поддерживать правопорядок. Военнослужащие, участвовавшие в патрулировании, должны были предотвращать преступления и имели право арестовывать преступников, которые затем передавались сирийским властям. Например, в Алеппо они обеспечивали безопасность гражданского населения, защищая его от боевиков, преступных группировок и преследований со стороны правительственных войск. В 2017–2018 гг. сотрудники РВП были вынуждены сражаться, чтобы защитить себя, когда их атаковали боевики ИГИЛ (Дейр-эз-Зор) или Джабхат ан-Нусры (Идлиб). В таких случаях они получали массированную авиационную и артиллерийскую поддержку.

Такие широкие полномочия помогли РВП выполнять различные функции в разных районах Сирии. Подразделения РВП были развернуты в Алеппо, южных пригородах Дамаска и Дейр-эз-Зоре для проведения операций по стабилизации, в Идлибе для наблюдения за зоной деэскалации и в Кунейтре для защиты персонала ООН.

Согласно официальным заявлениям, в Восточной Гуте и Восточном Каламуне РВП «оказывала помощь местным властям в поддержании общественного порядка, постоянно патрулируя территории в целях обеспечения стабильности и предотвращения возможных провокаций»³. К 4 мая 2018 г. более 63 800 человек вернулись в Восточную Гуту, а 5219 бывших членов вооруженных оппозиционных формирований сложили оружие и были амнистированы⁴. 26 мая появилось видео с сотрудниками РВП, арестовывающими мародеров, предположительно солдат Национальных сил обороны. Ранее РВП также задерживала правительственных военнослужащих в городах Ялда, Бабила и Байт-Сахм. Несмотря на определенные успехи и достижения, возможности РВП как инструмента стабилизации ограничены.

Ограниченный успех с ограниченными ресурсами

² Военная полиция РФ получила в Сирии первый опыт постконфликтного урегулирования, <https://tass.ru/armiya-i-opk/4508324>

³ Официальный представитель Минобороны России генерал-майор Игорь Конашенков рассказывает о ситуации в Сирии, <http://syria.mil.ru/en/index/syria/news/more.htm?id=12173951@egNews>

⁴ Официальный представитель Минобороны России генерал-майор Игорь Конашенков рассказывает о ситуации в Сирии, <http://syria.mil.ru/en/index/syria/news/more.htm?id=12173951@egNews>

Основной проблемой, с которой столкнулась РВП в своей деятельности в Сирии, стала ее небольшая численность. Общая численность персонала РВП не раскрывается, однако согласно официальным данным, в 2016 г. она составляла всего 6500 человек. Предполагаемая численность персонала РВП, дислоцированного в Сирии, составляет около 1500 человек (три-четыре батальона), что составляет четверть от их общего числа. Регулярно происходит ротация подразделений, но у них не хватает времени для полноценного отдыха - отпуска между командировками в Сирию составляют всего один месяц. В среднем военнослужащие РВП выполнили примерно четыре командировки в Сирию, но для многих это число достигло пяти или шести.

Недостаточная численность персонала, размещенного в Сирии, не позволяет РВП стать основным инструментом стабилизации ситуации или выступать в качестве полноценных миротворческих сил. Зона ответственности РВП постоянно растет, личный состав рассеян по Сирии и поэтому не может поддерживать постоянное присутствие во всех освобожденных районах и эффективно контролировать действия правительственных сил или гарантировать соблюдение всех гарантий. Это серьезно ограничивает возможности России выступать в качестве эффективного посредника в процессе урегулирования конфликта.

Несмотря на упомянутые выше обстоятельства, пока российское военное присутствие сохраняется в Сирии, военнослужащие РВП также будут продолжать выполнять возложенные на них функции, в первую очередь миротворческие. Они решают различные задачи, такие как обеспечение возвращения беженцев и их защита; мониторинг буферной зоны в Идлибе; присутствие на юге Сирии для охраны сотрудников ООН и обеспечения отсутствия иранских войск. На нынешнем этапе кризиса нет сирийских институтов, которые могли бы заменить РВП, но нехватка персонала не позволяет ей выступать в роли полноценных миротворческих сил.